

ТАТЬЯНА ЧЕКАСИНА

ЧИСТЫЙ БОР

Татьяна Михайловна Чекакина

Чистый бор

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69007663

Чистый бор. Повесть / Татьяна Чекакина: Спорт и Культура; Москва;

2023

Аннотация

Татьяна Чекакина в литературе работает давно и на очень высоком уровне. Но повесть «Чистый бор» стоит немного особняком от других произведений писателя. Это не урбанистическая, рубленая проза, экспрессивная и мощная, какая присуща этому автору. Здесь можно заметить мягкость, неторопливость деревенской прозы. Персонажи вообще не такие, какими наполнена современная бульварная коммерческая литература. Это – типичные персонажи русской классической традиционной прозы, построенной на великих человеческих ценностях, которые соответствовали социальному строю, характерны для периода советской власти. Именно этот временной период и описан в повести «Чистый бор» со всеми его достоинствами и недостатками.

Содержание

Об авторе	5
Глава первая	6
Срочный вызов (Шрамков)	8
Постыдная болезнь (Луканин)	15
Согласие на операцию (Шрамков)	22
Выскочил с предложением (Луканин)	25
Хуже не будет (Шрамков)	33
Догнать и перегнать (Луканин)	41
Глава вторая	47
Воспитание собригадника (Шрамков)	49
Обидные перестановки (Луканин)	59
Мы все друг другу не чужие (Шрамков)	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Татьяна Чекакина

Чистый бор. Повесть

© Татьяна Чекакина, 1983

© Спорт и Культура, 2023

Об авторе

Татьяна Чекакина в литературе работает давно и на очень высоком уровне. Но повесть «Чистый бор» стоит немного особняком от других произведений писателя. Это не урбанистическая, рубленая проза, экспрессивная и мощная, какая присуща этому автору. Здесь можно заметить мягкость, неторопливость деревенской прозы. Персонажи вообще не такие, какими наполнена современная бульварная коммерческая литература. Это – типичные персонажи русской классической традиционной прозы, построенной на великих человеческих ценностях, которые соответствовали социальному строю, характерны для периода советской власти. Именно этот временной период и описан в повести «Чистый бор» со всеми его достоинствами и недостатками.

Глава первая

... Человека этого никто не заметил. Но он и не хотел, чтобы его кто-то заметил, да остановил и отговорил. Он шёл уверенно, будто цель, к которой приближался, была элементарной. Но, свернув на кривую тропу, начал выглядывать того, кто бы его отговорил. Ни души на улице, далее – тупик с вагонами. И куда идти – в улицу или – в тупик?

Пошёл улицей, на дороге – навоз: у столовой – лошадь, впряжённая в телегу, на которой ничего нет. Дверь в кухню открывается: возница – с пустой тарой. Нагромоздив у крыльца, охлопал от заноз рукавицы и – нет его. Человек ждал этого. Воровато ухватив один ящик, метнулся к тупику.

Вагоны лязгнули. То, что хотел решить днём, решил. И вот он между двумя пакгаузами. Уголок мал, но ящик входит. Встав на него, вытянув из брюк ремень, ловко набросил на крюк водостока. Перед ним – грубо выкрашенная белым стенка уборной. Отвернулся. И... ничего не увидел, кроме поезда с брёвнами; никакой надежды, что сдвинется и откроет просвет. Просвета не было.

С недоумением услышал гудок подъёмного крана. Не гудок, стон. И вдруг из громкоговорителя:

*«... Будет людям счастье,
счастье на века,*

*у советской власти
сила велика!»*

Человек сунул голову в петлю, шапка упала. Какие-то мгновения, – и он – не на земле, а над землёй, рядом оттолкнутый ногами ящик.

Срочный вызов (Шрамков)

Звонок непонятный: «...для решения вопроса...» Помехи на линии, как вой ветра, но уловил: «чтобы не прерывать процесс...». Крикнул: «Буду!»

Он отвёз в Надеждинск Ираиду с надеждой: там и без него в курсе, как её лечить.

Мастера нет в кабинете, в приёмной кивают:

– ...у директора.

– Мне только заявление...

Секретарь давит кнопку на селекторе:

– Леонид Сидорович, тут Шрамков...

Из динамика:

– Пусть войдёт...

Такая моментальная реакция немного удивляет. Войдя, здороваются с обоими: и с директором Паршиным, и с мастером Позднышевым.

– Николай, хотим тебя отправить в командировку. Ехать завтра.

– Спасибо, но я не могу. Вот заявление. – И – о больнице.

– Жаль, – директору и вправду жаль.

Выйдя из конторы, сел в автобус, где только его не хватало.

Заболела жена в том году в январе. А в мае...

Не хотелось думать про май. Он – не дома, с другой женщиной, а в это время в Улымской больнице останавливают Ираиде кровотечение.

Летом никаких недомоганий. В октябре вдвоём – за клюквой на мотоцикле. Вдруг опять температура. Рекомендованные в больнице пилюли районные медики отменяют, назначают другие. Нормально, только устаёт. Но в январе боль, неутихающая, направление в город Надеждинск.

Один тип с улицы Вертолётной бьёт бабу. Другой ни разу дров не приволок, жена у него худенькая, Ираидиных лет, не болеет. Из-за двойняшек? У них родились две девочки. Но пять лет – никаких недугов. Работает она не на лесоповале, как многие женщины у них в Улыме, а в конторе.

– Петро-ович! Обед!

Выход из чащи на широкую прогалину. Это место в тайге именуют «верхним складом», от верховьев рек, по которым сплавляют лес. В Улыме, как и на многих таких предприятиях, реки нет, вывозка идёт автомобилями, а названия сохранились.

Автобус – с едой. Кастрюли тащат в открытую дверь вагончика. Повариха Зойка, покрашенная так, будто не с обедом – в тайгу, а на танцы – с кавалером, греет на плите первое и второе. Едят неторопливо...

Она уехала.

Шрамков объявляет: завтра они будут без него. Говорит о работе, делая вид, что больницы – каждый день.

– Хоть бы намекнули причину, – не выдерживает Евдокия.

– Да в том-то и дело! – подхватывает он. – «Надо решить один вопрос». Но как со мной решать медицинские вопросы?

– Это врач так выразился о «вопросе»? – Илья Горячевский, добрый молодец (играл в фильме на коне и в гренадёрском мундире).

Около пяти лет он в Улыме. Как лето, берёт двойной отпуск и – в театральное училище. Но не берут пока. Во время службы в армии он и угодил в кино, в батальную сцену. До армии жил в Горьковской области. Тот леспромхоз закрыли, и отправился Илья на заработки. Он нанимает в городе репетиторов. Выправил горьковское «окающее» произношение. Вокальные данные тренирует. Но эта карьера на уровне районной самодеятельности, тут имеет успех.

– Гиппократы! Неграмотные! – Гришка Сотник, в принципе, доволен их откровенным общением.

– «...чтобы не прерывать процесс», – дополняет Шрамков.

– Речь идёт, наверное, о согласии на операцию, – предположение Тимофеевой.

Видимо, права. Хотя в том году – три. Правда, не опера-

ции, а «чистки».

– О нас не волнуйся, – У Гришки Сотника на голове ко-
выль: молод, но сед.

Его глаза глядят: один – на вас, другой – на Кавказ, но при
этом видит идеально.

– Там разберёшься! – у Ильи Горячевского неколебимая
вера в Николая Шрамкова.

– Больница неплохая в Надеждинске, – с надеждой напо-
минает Евдокия Чистякова.

Лицо у неё морщинистое, но розовое. Глаза – озёрки
талой воды, в которых отражается чистое небо. Эта тётка
Шрамкову – тётя. Он её племянник. И в Улыме оттого, что
тут Чистяковы: дядя Архип и тётя Дуня. Архип – родной
брат матери Николая.

– ...утренним? Деток к нам – с вечера.

– Спасибо, тётя Дуня.

Поговорив, отдохнув немного, опять – к работе. Николая
подкрепило участие этих людей. Не так слова, как доброе к
нему отношение. А догадка Тимофеевой про операцию мо-
жет ослабить удар.

Дочка механика Тимофеева, как эту девочку звали в Улы-
ме, когда она была маленькой, и которую стали звать, когда
она выросла, девушкой Тимофеевой, как это бывает при ве-
сёлых матерях, – её антипод.

Её мама медсестра Луиза, не долго горяя по механику

Тимофееву, какое-то время – весёлая вдова, укатила с художником. Бабы Улыма лишились медицинских услуг (вытравляла зародившихся детей), а клуб оформителя: оформив детсад и столовую, начал контору, да женился на Луизе.

Лет пять назад меняет Шрамков книги, а рядом на барьер конторки дочка Тимофеева выкладывает «Хаджи Мурата». Он читал три раза. Но ему-то тридцать три года в тот год, а юной читательнице тринадцать! Библиотекарь добавляет удивления: школьница давно вне программы штудирует классическую литературу. Когда в библиотеке нет книги, едет в Удельск, в районную библиотеку.

– Она хорошая девушка! – говорит вслух в тайге наедине.

Бредёт в чащу, держа в руках тихую бензопилу, свистит польскую мелодию, главную в фильме: «Мать Иоанна...» (и что-то про ангелов). Девица Тимофеева немного напоминает монашенку из этого фильма.

Работу он выполняет легко, ловко. Он валит корабельные сосны бензопилой, переходя от дерева к дереву.

Другие идут за ним. На сваленных деревьях (называют их тут хлысты) ветки обрубают Евдокия, Генка Голяткин и Тимофеева; Гришка Сотник цепляет тросами к трактору, которым Илья Горячевский отволакивает на площадку к автомашинам.

Рубят на косогоре, делянка так и названа: Косогор. Не удобная.

Они трудятся до конца светового дня (он же рабочий). И автобус увозит их обратно в Улым.

В столовой, где битком одиноких тут парней (и Шрамков, вроде, одинок), выполняет рекомендацию жены: утром оставляет судки, после работы забирает полные. Повариха Зойка утром не болтлива (он торопился), да и днём во время бригадного обеда, вечером тараторит, как «уважает Ираиду Андреевну». Так ли добра эта молодая девица? Или, наоборот, довольна, что с ней нет беды, которая приключилась с уважаемой ею Ираидой Андреевной?

– Спасибо, Зоя, ты хорошая, – думая о ней немного не так.

– Я вам, Николай Петрович, пюре с котлетами, борща вот, но дома подогрейте. Бортовая из Зыряновки с молоком и сметаной, Никитична напекла ватрушек. Тёплые: я укутала, на улице не остынут.

Дома, когда ужинал с детьми, помянул её именно добром: фирменные ватрушки пекаря Никитичны оценены на «ура». К этой еде варенье и соленье, немалый запас.

Детей – к Чистяковым.

Не мог долго отключиться, поймал момент, когда из тундры в Улым пришёл ветер, напав на дом завоевателем. Дико гудит в трубах. Снеговая крупа ударяет в стёкла. Тайга у вертолётного поля гудит.

...А из вагонного окна видно, как проклюнулось солнце,

багровое, маленькое, будто уголёк в холодной печи.

Постыдная болезнь (Луканин)

Ему удалили грыжу в паху, и он потерял уверенность, прекратив быть мужиком. Сделав вид, что обиделся на жену за её не новые упрёки, лёг на маленьком диванчике в большой комнате, глядя, как в окне мигает звёздочка. К докторам и не думает: неудобно – о таком! Хирург, который удалил грыжу, рекомендует бросить бензопилу, она нелёгкая. Но Луканин Алексей привык деревья валить, не умея ничего другого.

Выход: на обрубку сучьев. Тюкать маленьким, будто игрушечным топориком. Или – в родную деревню Калиново. Солнце там выныривает над рекой, падает в поле, будто там обрыв. Но никакого обрыва нет, поля тянутся далеко, нет им края.

Улым никогда не нравился Луканину. Но в деревне Калиново за девять лет бывал только – отца хоронить, потом – мать. И вот мечта: уедет, а дочка будет навещать его во время каникул. Там родной дом. В нём – полоумный деверь: сестра вышла опять, второй муж нормальный, живут в городе. Но дебил этот тихий, и они как-нибудь поместятся, комнат две, кухня, огород.

...Непонятный овраг, на дне – тёмная вода. Откуда вода в такой холод? А в ней кто-то гадкий, оттого и вода тёплая! Пробудился, пьёт чистую воду, но гнилью отдаёт¹.

¹ – пить грязную воду к переживаниям («Толкователь снов»)

Приехали в тайгу. Входят в тепляк, но эта маленькая темноватая избушка их встречает не теплом, а холодом.

– Сторожа нет! – вопль Катерины. – У других и сторож, и тепло! Наверное, мы одни такие негодящие.

– А чё тут сторожить, бензопила под замком, – мирно говорит ей Алексей.

– А трактор?

– Такой вряд ли кто угонит.

Тихо в тайге. Дверь отворяется, и с клубами нового холода и старой матерщины – тракторист Иван Микулов.

– Не завёлся, растуды его! – плюх на лавку у печки, на лицо шапку, готов дремать.

– Была бы я мужиком, отремонтировала бы! – выкрик Катерины.

– Заводской в нём дефехт! – глуховато из-под шапки – Иван, далее матом.

– Пожалей наши уши, Ванька! – тонким голосом – его жена Шура.

Катерина вдоволь наоралась: «заработок маленький», сидят в тепляке, «как дураки», а «деньги мимо плывут». Шура Микулова ей подпевает. В Улыме говорят: «У Луканина в бригаде правят бабы». День к концу, автобус. У конторы высадили.

– Луканин! – на крыльце мастер Позднышев в накинутом полушубке, будто встречает, и велит идти с ним в кабинет

директора.

Ну, беда! Сон плохой в руку! Бригаду ликвидируют, их растолкают, кого куда. Катерина кидает на него угрюмый взгляд.

Директора Алексей Луканин иногда видит в конторе, как тот идёт в кабинет или выходит, в автомобиль садится, но чтоб – за руку! Ещё невидаль: его отсылают в командировку!

Мастер нахваливает:

– Луканин не пьёт, не курит. А что так одет, в ватник... Одежда есть у тебя добрая?

– Конечно, есть! – с обидой.

Катерина – в коридоре:

– Чё им надо?

– ...а вот то... Билет на поезд!

– Не пугайся, съездишь!

Её мнение для Луканина намного авторитетней начальственного, ведь Катерина – его жена.

Недолгие сборы, и он – в станционном домике.

Карабкается на висевшую мимо перрона подножку, и проводница ведёт его, нового пассажира, в отдельное купе. В командировках никогда не бывал. Ехать комфортно. Мимо плывёт тайга. Но и станции, и полустанки... Прямо неохота покидать поезд.

Огромный город! Ладно, гостиница на привокзальной

площади. «Hotel» – иллюминируют буквы в небе. Видимо, в далёком от любой заграницы городе бывают иностранцы!?! Оробев, делает вид, что ожидает трамвай. Но делать нечего – входить надо.

Напротив дверей плакат:

«Привет участникам совещания передовиков и новаторов лесозаготовительного производства!»

Огромная комната с колоннами, за барьером женщина, над её белыми, будто накрахмаленными кудрями: «Дежурный администратор».

В креслах какие-то люди. Один, с виду директор, недовольно оглядывает, как бы вопрошая: «А ты передовик и новатор?»

Бригада Луканина не только вчера, а регулярно не работает, имея «тариф», как они говорят. Но, когда трактор на ходу, когда пила не заглохла, бригада вкалывает, имея куда больше «тарифа».

Передовик у них в Улыме есть, его бригада работает ежедневно. Он – рвач. Буквально вырывает у руководителей надобное для работы. Этот Шрамков – грамотный, умеет доказать и директору, и мастеру: они ему должны многое, а вот он им ничего, кроме объёма заготовки.

На этот форум его бы отправили. Директор, давая командировку: «Шрамков не смог». Позднышев дополняет: «Ему в больницу, в Надеждинск». Наверное, и тут «вырвал»! Его баба не в райцентре, где Луканину – операцию, от которой

у него импотенция, а в городе Надеждинске с надеждой на полное выздоровление.

– Товарищ, вы на кворум? – Откуда-то парень, неправдоподобно тонкий, в пышном галстуке, пиджак, как на картинке журнала мод (у Катерины такой). – Пройдёмте! – и подводит к администратору.

А тот, который с виду директор, завистливо глядит на выданный ключ:

– Неужели ни одного места?

– Только по брони! – отбывает дама.

«По брони! Вот это да!»

В лифте модник – на кнопки, – и вознесение – пятый этаж!

В комнате окно: автобусы, троллейбусы, трамваи. Тротуарами бегут люди так, будто торопятся на один поезд. Он в этом городе не впервые: толкотня магазинов, куда вольна бегать Катерина, на окраине – веранда её тётки (ночуют, когда в отпуск и обратно). Тревога там: не угодить бы под машину, не отравиться бы в кафе, не потерять бы деньги. Из окна номера город не выглядит опасным. Вон мужик в телогрейке, лопоухо вертит головой. Будто на себя, но плохо одетого, глядит Луканин с высоты.

Койки в номере две. Входит дядька непонятный: лицо знакомое.

– Где-то я видал вас...

– На плакате я. С моей фотки рисовал плакат художник.

Да ведь и у них в Улыме, в коридоре конторы и на дверях клуба этот плакат! Лес, будто из капроновых ёлок, и лицо этого парня!

– Так ты и придумал метод... посохинский?

– Так я и есть Посохин Егор. А метод не я, а главный инженер. Но одно дело выдумать, другое – внедрить, понимаешь? Теперь обо мне много публикаций. – Из картонной папки выкладывает клочки: – С женой у калитки, – (напоминает Катерину). – Горластая у меня баба!

– А моя? Как начнёт пилить, так бы и отвалил в тайгу к медведям.

– Моя баба, как с этим новым методом (уважение, портрет на плакате), орёт. Но не на меня. Понимаешь?

Ещё бы! Это Луканин понял!

Ему отменно спалось в номере. Видение: летит он, как птица², но неприятно, ведь крыльев у него нет.

От гостиницы едут городом. В холле Дворца Профсоюзов макет валочно-пакетирующего агрегата. Наверное, и в Улыме будет такая техника, а думал до конца ему валить пилой, и грыжа, которая недавно удалена, опять вырастет.

Новый друг Егор в президиуме! Но не только там, – на

² – «Летать – иметь завышенные требования и амбиции» («Толкователь снов»). Слово «амбиция» – негативное и означает чрезмерное самолюбие (Словарь русского языка).

трибуне! Говорит храбро, вворачивая «понимашь». Вдоль рядов катается кинокамера. Юпитеры выхватывают то одно, то другое лицо; и Луканину – прямо в глаза, на миг ослепив.

Домой опять в купе, как руководитель. Воображает Дворец, полный народа. А на трибуне с гербом страны, не этот Егор, а он, Алексей. Говорит в микрофон. Ему хлопают. И громче других Катерина с преданным довольным лицом.

Согласие на операцию (Шрамков)

Вокруг больницы – больные сосны. В коридоре у окна – пальма в кадке.

Ираида вышла из белой двери, и – в одну очередь. Шрамков обнял, погладил пальцем прижатое волосами ушко. Волосы у Ираиды длинные, цвета ржаного хлеба. Никто, кроме него, тут не знает, как они богаты: Ираида умудряется их скручивать тугой баранкой.

Её вызвали. Надолго. Николаю надоела пальма: листья, как бахрома, мытые; ствол чешуйчатый.

Выйдя, перекрутила «баранку», но как-то неловко:

– Тебя, – кивок на дверь.

Напугался и вошёл.

В глубине кабинета ещё одна белая плотная дверь. Кресло маленькое, и некуда деть большие ноги. Ядрёная медсестра напоминает повариху Зойку. Медик в квадратных очках.

Под кокетливыми взглядами медсестры и, не поняв до конца аргументы медика, хотя внутренне был готов, благодаря догадке дочки Тимофеева, дал добро на операцию так, будто дал добро на смертный приговор.

Вырвалось:

– Вам виднее, но у нас дети.

Ираида, – как о чём-то рядовом:

– Не паникуй, Кольша!

«Не паникуй, дрова – только завтра»; «Не паникуй, в бане нет воды»; «Не паникуй, я купила тебе пуловер!»

В этот момент призыв не паниковать, наверное, впервые по сути верный. Паника: жалобу накатать в министерство!

За Ираидой явилась тётка в белом и увела её в другую белую дверь, и, когда они вошли в эту дверь, то будто провалились.

Холодно, но идёт с шапкой в руке: забыл надеть. Дело не в эскулапах, они лишь определили. Нечто неподатливое надвинулось на Ираиду и на него. «Именно мне, а не другому?» Как-то обидно. Именно Ираиде будут делать операцию (в слове – холодное лязганье никелированных ножниц). Реальная паника, не та, о которой обычно шутит Ираида.

Мимо вагона – вешки. Насчитал тридцать девять. Столько ему лет. В тамбуре какой-то дедок, и Николай ему, мол, жене будут делать операцию.

– Не серсе?

– Нет...

– Это ничё, а вот когда серсе режут!

Его молодого племянника оперировали. Теперь он занимается «антлетикой» (атлетикой), но какой, лёгкой или тяжёлой? Но, наверное, лёгкой, не штангу же тягать, когда «серд-

це резали»?

Темно, летят мимо непонятные объекты, надвигаясь чернотой в померкшей синеве.

Выскочил с предложением (Луканин)

Входит в квартиру и – в чужой манере:

– Ну-ка, мать, принимай подарки!

Не видит удивления, с каким жена и дочка – ему навстречу.

– Кофту тебе, Вера. А это тебе, Катюша!

Катюшей не звал, только Катей. Открывает она коробку, обувает сапоги. Луканин глядит немного нахально, не своим глазом.

– Больно дорого, – наконец, говорит Катерина, оглядывая не ноги, а дарителя.

– Главное – впору!

...В холле Дворца Труда при закрытых дверях в тайне от других людей большого города была торговля дефицитными товарами для отоваривания только их, участников совещания передовиков и новаторов. Впереди – банкет в ресторане. С этой длинной коробкой забрался в автобус. Едут к отелю, где вода и холодная, и горячая. От батарей паровых жар. Не надо воду тягать с колонки, а тепло добывать, топя печи. Он обвыкся там, в областном центре, в этом тёплом мире с даровой выпивкой и даровой вкусной едой.

У Катерины никаких ухмылок. Глаза её цвета зимних су-

мерек глядят одобрительно, но удивлена: он ли это?

Опять на диванчике, глядя на звёздочку в окне: Катька не идёт. Но прибежит. На следующем таком мероприятии он, Луканин, будет говорить с трибуны! Не как Егор: понимаешь, да понимаешь... Правда, о чём будет говорить, не идёт на ум, да ветер завывает проклятый...

Наутро ему догадка: к директору, к новой жизни! Катька не наглой будет, а забитой, как в тот миг, когда увидела новые сапоги.

– Щи будешь?

В городе утром никто в буфете так не ест, да и нет там с утра никакого супа, но еда домашняя пахнет вкусно:

– Налей.

В директорский кабинет он входит храбрецом:

– Разрешите к вам, Леонид Сидорович?

– А-а... Ну, как, нормально? – будто уточняет: не потерялся ли в большом городе, не напился ли, не угодил ли в милицию...

– Да, нормально. Вот с Посохиным в одном номере, – подбородком – на плакат.

– А-а. Пойди, за командировку отчитайся в бухгалтерии.

– Да, я уж отчитался.

– Ну, тогда в делянку давай, Алексей Романович.

– ...Родионович.

– Прости, мой начальник в Объединении Романович.

Этого директора турнули в Улым из областного центра.

– Леонид Сидорович, а метод укрупнения бригад мы будем внедрять?

– Будем, а как же, – невнимателен, какие-то бумаги оглядывает.

Луканина охватило нетерпение, точно ребёнка, которому понравилась игрушка. Правда, непонятно, как в неё играть.

– Мы к этой теме вернёмся, обсудим, Алексей Рома... , Родионович, – директор явно не доволен тем, что работяга пропущен к нему в кабинет немолодой тётенкой секретарём.

– А чё тут обсуждать! – с невиданной отвагой. – Две бригады в одну, да шуруй! – повторил рекомендацию Егора Посохина так, будто тот и выкрикнул за него, сойдя с плаката.

Леонид Сидорович глядит, как на незнакомца.

Директор Паршин с похмелья, как манси из чума. У них тут неподалёку от Улыма этот народ. Леонид Сидорович – полукровка. Немал ростом и бел лицом. А добился многого: диплом института, работа на руководящих должностях. Жена тонкая, как балерина (фамилия Цветова), ведёт в клубе именно балетный кружок, в который ходит дочка Луканиных Вера.

Директор вызвал мастера.

– Видишь, вернулся... – Леонид Сидорович говорит мастеру так, будто Луканина тут нет, но оглядывая его, как уди-

вительный экспонат. – Метод укрупнения бригад...

У Позднышева ухмылка, будто выиграл дуриком первую партию в игре. Это он вытолкал в командировку Луканина, правда, не предполагая такой удачи.

– А, давайте, Леонид Сидорович? Ты, как, Луканин?

– Я-то? Вам решать, но вот с ним в одном номере, – переводит взгляд на плакат, будто Егор Посохин для него реальней тех, с кем он находится в одной комнате. Оба руководителя эту ненормалинку уловили, глядят на плакат, который привыкли видеть, как обои.

– Какая делянка у Луканина?

– В Чёрной Пади, леса там мало. Для укрупнённой бригады, – добавляет мастер.

– А у Шрамкова? – директор кивает на карту лесосек.

– У него на Косогоре, неудобье, но подойдёт.

Ну и ну! Если они будут в одной бригаде, то неизвестно, кто будет на плакате! Вероятней, что на прекрасный плакат светлого будущего наклеят портрет кое-кого другого с его рожей в шрамах. Шрам у того один. Луканин думает: он сам, тонкий лицом, идеален для рекламы новых методов труда. Да и не хотелось видеть этого типа.

...Идут они свадьбой по главной улице Ульыма. Иван Микулов играет на баяне. И вдруг с обочины какой-то кривой дед (потом его никогда не видел). Этот юродивый шепчет на ухо: «Говорю тебе правду, жених, твоя невеста с рыжим гу-

ляла...» Алексей не думает об этом, но во время плохого настроения говорит об этом Катьке. Ответов нет.

Опять на работе не работают. Тракторист и друг Иван Микулов опять на лавке, накрыв лицо потрёпанной шапкой. В тракторе, как он говорит, какой-то «заводской дефехт». Но упоминает об этом недавно. Когда дали трактор, тот ежедневно бегал, и о «дефехте» не говорил Иван. Теперь, когда трелёвщик то и дело барахлит, хочется об этом ему напомнить. Иван, когда-то первый механизатор в районе (портрет на Аллее Славы), давно не тот.

– А чё ты так долго в бухгалтерии? – Не утаить от Катерины и более мелкого.

– О командировке – отчёт.

– Уж не влюбился ли ты там? Посохин – баба? – Невесёлый хохоток.

И Шура Микулова хихикает, глядя любопытно.

– Новый метод *предлагают!*

– Трактор новый дадут! – оживляется Иван.

– У него нет нормативного пробега! – ответ Луканина.

Иван Микулов сел на лавке в удивлении.

– Нащальство Лексея пытало, как заготовку увеличить! – Дядю Федю Оградихина, напарника Ивана, никто не перебивает, власти над ним нет.

Но и на Ивана Микулова нет у бригадира Луканина никакого влияния.

– Я в бухгалтерии бумаги отдаю, которые мне в командировке дали, а тут... этот, директор... Он меня ведёт в кабинет и говорит, мол, будем метод внедрять. И мастер... Оба ко мне уважительно: «Твою бригаду надо с другой объединить, будет укрупнённая». – Он впервые так врёт.

– Оба что ли – с бодуна? – У Катерины окрепло удивление: вот и дорогие сапоги, и Верке кофту модную (никогда не покупает без совета с ней), имя «Катюша»...

Так как в тепляке опять холодрыга, а в её лицо, да и в лица других лучше не глядеть, отвернулся к печке. Одно полено, другое, будет жарко!

– А чё, могут технику дать! Вон Посохину!..

– А ты говорил – не дадут! Я так и понял: новый трактор! – торопится Иван.

– Энто хорошее дело, – кивает бородкой (истёртый веник) дядя Федя Оградихин, – наверняка зарплата подскощет! Пущай хоть на пятёру – и то давай сюды, на табак, к примеру.

– Ладно вам, размечтались! – улыбается Шура.

– А с кем объединят? – Катерина глядит прямо в комель.

– Вроде бы, со Шрамковым, – неприятно, хоть не оборачивайся.

Но она в спину:

– Понятненько!

Догадалась, наверное: в инициаторы напросился, желание быть первым, но глупо ему так желать оттого, что будет он только вторым.

– Я директору говорю, мол, Егор мне о новом методе, о бригаде, об *ихних* рекордах заготовки, – торопливо толкает дрова Луканин.

Печь гудит, подывая ветру. С его слов выходит, Егор этот знаменитый – его давний друг.

– Так ты с им в одной комнатке? – на градус выше уважение Фёдора Григорьевича.

– Не комнатка, номер называется! – поправляет провинциального дядю Федю.

В тайге шумит ветер. На полянах свистит. Одинокая никому ненужная осина кланяется на краю неглубокого оврага, будто молит укротить непогоду.

Так и торчат в тепляке. Опять – тариф, хотя и равный деньгам, какие дают другим, кто целыми днями работает, но не в тайге.

На автобусе – обратно. Бабы болтают, Катерина хихикает: «...рыжий чёрт...» «А твоя невеста с рыжим гуляла...»! Ревность ударяет в пах, отозвавшись там болью.

Катерина (так бывало) – к магазинам. Отойдя немного от конторы, и не вдруг поняв, кто перед ним, видит Луканин мастера Позднышева Александра Васильевича:

– Завтра будет совещание. И ты давай не робей: о командировке говори, как в кабинете директора. Укрупнённую будем комплектовать. Ты же сам хотел. Бригадира выберем, и

ты – первый кандидат! Ну, пока. – И пропал в темноте.

А Луканин – деревянным тротуаром к дому. Квартира из трёх комнат с кухней. Веранда, крыльцо, двор. Маленький огород, баня.

Недаром мастер упредил: он ненавидит Шрамкова. И с техникой плохо, и с горючим. У других – тариф, этот вкалывает, заработки, каких нет ни у кого. Народ толкует, будто мастер у него на делянке в сугробе обнаружил бочку, в которой Шрамков копил солярку для бесперебойной работы. Ему возят вне графика! Конфликт как-то миром прекратили, а то Позднышева могли уволить.

«Выступлю! Так выступлю, ого-го! И тогда не будет Катерина тянуть своё «понятненько»!

Хуже не будет (Шрамков)

У конторы нет автобуса: никогда вовремя не привезут в делянку! В коридоре – бригадные, будто и не думают никуда ехать.

– Кака-то сходка у директора, – Чистякова шёпотом, – и нам велено ждать, когда к нему кликнут.

Это что за новые правила! Никаких «сходок»: световой день дороже денег! Рубят там, где полно болот, и летом не доберёшься. Зимой – зимником до любой делянки. Оттого и дополнительно людей нанимают, и объём превышает летний. В тёплое время тут только постоянные, и то многие отдыхают на югах.

Ни Илья Горячевский, ни Гришка Сотник, ни Генка Голяткин, никто не слухом, не духом ни о каком совещании, не говоря о нём. Отъехал ненадолго, и на тебе!

– Заходите, товарищи!

И зашли не только они...

В кабинете, кроме директора Паршина Леонида Сидоровича, Заковыкин, секретарь парторганизации, главный инженер Иван Фёдорович Оградихин и мастер Позднышев.

Лампы дневного света, длинные трубки, будто налитые молоком, мигают. К миганию привыкаешь, и оно, наверное, влияет исподволь. Мимо окон бегут редкие прохожие, обо-

роняясь от ветра рукавами.

Мастер в ряду напротив, стараясь не глядеть на того, кто в другом ряду. При всех директорах он делает ровно столько, чтоб его не уволили. Этот директор его терпит с трудом. Недавно попытался выгнать.

Рядом с мастером – Луканин. С ним, как и со многими в Улыме, нет общения, хотя кое в чём он близок, женат на той, которая мелькнула, как маленькая станция, где Николай, случайно выйдя, вернулся обратно и никогда о ней не думал.

– Слово имеет главный инженер Иван Фёдорович, – объявляет директор.

– ...Работа методом укрупнённой бригады не имеет простоев. Это выгодно и для предприятия, и для работников: объём заготовки больше, ну, и зарплата.

Леспромхозу невыгодно отдавать тариф, рабочим невыгодно его брать. Выход? Но на некоторых таких предприятиях укрупнённые распались обратно на малые.

– Так как бригада теперь одна, надо выбрать бригадира, – директор в улыбке смахивает на его брата манси, который, бывая у директора, в прихожей пару дней валяется пьяный в меховом одеянии, будто куль.

Молчат, ждут: Луканин снимет свою кандидатуру.

– А кого тут выбирать, кроме Николая Петровича! – Илья Горячевский оглядывает публику, как со сцены.

– Шрамкова в бригадиры! – другие шрамковцы.

И тут мастер, окривев неприглядной улыбкой, говорит:

– Я не против Николая, но Алексей перенял новый метод от того, кто этот метод внедрил.

Недоверчивые улыбки.

Но вдруг Луканин, будто его за верёвочку дёрнули, будто его кто в бок толкнул, а то и, правда, толкнул его в бок Позднышев, поднимает голову (была опущена), лицо уверенное и... незнакомое. Как на улице в яркий день – солнце глаза застило:

– Можно мне?

– Да-да, Алексей Романович, вернее, Родионович, – директор, как и другие, улавливают в Луканине нечто особенное.

– Работа будет без остановки, будет взаимо-мо-мость, взаимозаменя-емость. И будет объём, кубы! Егор мне чё говорит: «Две бригады в одну – и шуруй!» – от волнения гнусаво, а рукой так, что мастер увернулся от удара.

И речь неграмотная, и то, как мастер отклонил голову от ораторского жеста, развеселили публику.

Луканин, не обратив внимания на реакцию, как-то механически продолжил:

– Посохин мне обсказал работу. Метод ладный, – говоря это, глядит на плакат, будто у него с новатором, там изображённым, более реальный контакт, чем с реальными людьми в этом кабинете. – Не только внедрить, но догнать и перегнать! – Луканин сел. Его заметные уши горят, как фонари-

ки.

Мнение о нём: тихий, никогда не говорит на людях, да и не умеет говорить. «Не только внедрить, но и ... догнать и перегнать!» Непонятная бойкость небойкого человека. Ну, будто кто-то невидимый другим, но видимый Луканину, подбивает его на такое поведение.

А его жена Катерина на Шрамкова глядит затягивающе, глаза, как омуты, на дне которых дремлют неприятные ему воспоминания.

– Ладно, хорошо, – Леонид Сидорович не мог открыто предложить в бригады кого-то, кроме Луканина, но и Луканина никак не мог предложить.

Тихо и – только бряканье об угол конторы оторванной ветром от кронштейна водосточной трубы.

Николай Петрович читает мысли Александра Васильевича, так как это не трудно. Мастер думает о доме (свиньи, корова, утки и бог знает что). Это животноводство – его главная работа, более приятная ему. Лесоповал он ненавидит. А Шрамков любит работать в тайге и не имеет никакого хозяйства. Он родился в индустриальном городе. Улым – не деревня, корову пасти негде. Как-то корова Позднышева ела траву на болоте, рядом с которым находится его надел, и туда упала. Вытянули трактором.

Впервые мысли мастера о его прямых обязанностях. Но в нём, как и в Луканине, нетерпение, так как оба имеют дополнительную цель, которая рождает некий зуд, не имеющий

отношения к делу.

В окне ветер сдувает с дороги снег, кидая его в лицо какому-то пареньку.

Директор, двигая пухлыми руками на зелёном сукне стола, точно великан пытается навести порядок на футбольном поле лилипутов. Мигание дневных ламп надоело. Леонид Сидорович, остановив руки, лампы велит вырубить. Рядом с выключателем – дед Оградихин, отец главного инженера Ивана Фёдоровича.

Дядя Федя не только выключает лампы, но стоит, будто на трибуне, на которой любит находиться. На собраниях в клубе этот дядька, как правило, толкает речь, и Шрамков в это время уходит «курить» и в те дни, когда не курит, опять бросив. Кафедры в кабинете нет, повёрнут стул спинкой, одной рукой – за неё, в другой – не горевшая трубка, ею дирижирует.

– Пушай Алексей-от и будет бригадирить, он и в городе с этим знаменитым парнем в одной комнатке! В номере, в номере, то есть! А Шрамков, он бойкий, пушай и он навроде бригадира. И будем робить с коммунистическим огоньком! В тайге-матушке не сласть! Я вот тридцать первый годок... Ране лошадьми трелевали! Кинешь ей овса погушше и – ноо! А теперя техника, трактора! А робить всё одно надо, никуды не денешша, влюбишша и женишша!

Некоторые в Улыме держат этого болтуна за какого-то местного деда Щукаря.

– Хватит тебе, время-то идёт! – не грубо, а гордясь ветераном-отцом, напоминает его сын Иван Фёдорович. Кроме него, никто дядю Федю не окоротит.

Мастер улыбнулся тёмными зубами; не видны в улыбке, и будто во рту у него пусто. Ну, эту идею нетрудно прочесть! Позднышев стал понятен, как пень берёзовый. Его цель, в отличие от цели Луканина, которая для Николая, так и осталась тайной, выявлена: «Он мне мстит». Работать не дадут: всю оснастку кинут на укрупнённую бригаду. И, находясь вне этой их затеи, вероятность организовать нормальную работу в его малой бригаде будет малой.

Ждут, как он отреагирует.

– Я так понимаю, – с притворной лёгкостью, – грядут неплохие условия. И, наверное, не в том суть, кто будет бригадиром, – немного медлит, так как не уверен в том, что «не в том суть, кто...» И добавляет убедительное: – Заработок, наверняка, будет.

На улице его окружили.

– Давай, Никола, с другими объединимся, и ты там будешь бригадир.

– Позднышев против, – поясняет Илья Горячевский.

– Но работу организуют ладом? – не верит тётя Дуня. – Вдругорядь больно глядеть на тебя, Никола, как ты крутишься, сколь нервов надо, а тут, поди, поднесут, приволокут.

– Опять рукавицы – в прах, а новых ни одной пары! Трос

излохматился, вот-вот порвётся, обещали новый, но обещанного три года... – Гришка Сотник глядит довольно.

– Если за каждую рукавицу и за каждую запчасть надо горло драть (о солярке и не говорю), клюнешь на такое объединение и на такого «бригадира». «Догнать и перегнать»! – У Ильи театральная мимика, идеальная для монолога.

– Денег будет в два раза больше, – напоминает обещанное главным инженером Генка Голяткин, у которого три исполнительных листа на троих детей.

– Вроде, бригадирство сдал. Но я в Улыме для заработка. У меня планы. И, если в укрупнённой бригаде не будет длинного рубля, мы от них отколемся.

Вот эти доводы бригадира (теперь бывшего) подняли дух. И каждый из них, наверняка, подумал и о своих планах, которые отличаются от пятилетнего плана. Их планы далеки от «догнать и перегнать». Их планы – это деньги, от которых зависит их будущее, где первым пунктом плана отбытие на малую родину, либо в менее суровый климат. Евдокия, например, думает о родном посёлке Шаля, где им с Архипом на пенсии будет, как в раю, ведь там и погода теплее, и до областного центра ходят электрички. Илья планирует стать профессиональным актёром, а для этого, как он думает, надо немало денег. Генка Голяткин хотел бы хоть что-то накопить с такой удавкой алиментов, да опять – семью и опять – детей... Девушка Тимофеева, предполагает Николай, копит, наверное, на приданое, ну, как многие девушки, у которых

приданого нет.

Мечты всех бригадных более или менее понятны. Всех, кроме Гришки Сотника. Тот никогда никому не говорит о будущем. О прошлом – тоже. Денег тратит мало, не пьёт, вне работы модно одет, но и в этом не усердствует. Наверное, у этого парня и так имеется окончательная радость, до которой хотят дожить другие, и она – в этой конкретной бригаде, с этими конкретными людьми. Вполне вероятно, для него это и есть лучшее время его судьбы.

В делянку их не отправляют, распустили по домам. До угла Евдокия идёт рядом:

– Как Ира, как операция?

– Не знаю, тётя Дуня. Буду звонить.

В доме натопил, отварил картошки, впрок – гречки. Дополнительную еду купит ближе к концу дня в столовой, где с утра – судки.

Едой отоварился, детей забрал. В доме тепло. Если бы не ветер...

...Но ветер, пришедший с Вычегона, где нет деревьев, а только снега, принёс в Улым лютый холод. Ветер гудит и бьётся о деревянные дома. Дикий, не такой, как в городах, из тундры. В Улыме носится, поднимая белые облака снега над домами и над березняком. И пропали: березняк, домик станции, пожарная вышка, вертолётная площадка... Голубоватая пелена укрыла горизонты.

Догнать и перегнать (Луканин)

За эту январскую неделю Луканин начал превращаться в другого человека. И директор, и мастер теперь у него – вот где! Чё велит, то и делают! Ещё бы Катерине внушить, чё надо!

В кабинете директора Алексей, будто кино глядит, где он сам главный герой. Мечтой отдаёт, не той, которую надо ждать, пока-то она сбудется, а прыткой мечтой нынешнего дня, немного опасной.

Разрешают идти домой.

– Луканчик, Луканчик, налить тебе стаканчик? – Ухмылки и хихиканье Катерины неприятные, но не в этот день.

– А, давай! – интонация матёрого мужика.

Они выпивают, едят, смеются.

– Лексей, ты чё, как не родной...

Не думал оказаться так моментально у тайной цели. Недуга постыдного (научный термин – импотенция) как не бывало. А чудище в тёплом болоте? Ладно, не всяк сон в руку.

На другой день их перетаскивают из Чёрной Пади на Косогор. К вечеру перетащились. Тепляк, маленькую избёнку, кинули, как ненужную. У Шрамкова – вагончик. Вырвал не так давно. Мастер намеривался в нём конторку вдобавок к

кабинету в конторе. Но в итоге какого-то конфликта директора и Позднышева отдан Шрамкову. Об этом болтовня в коридоре перед отправкой в тайгу.

Первый день работают укрупнённой бригадой на один наряд. Именно работают, а не томятся в тепляке, получая тариф!

Удивительно, но трактор Микулова ожил ещё в Чёрной Пади. Иван заводит его на платформу трейлера. А когда прибывают на Косогор, он его с платформы скатывает, и дальше трактор трещит, не умолкая. Врал Ванька про «дефехт»? Врал, нежась в тепляке с похмелья?

Валка тут вверх да вверх. Отдыхает Луканин, глядя с этой пологой горы: трактора на площадке, с одного гидропогрузчик убирает хлысты, кладёт их на лесовоз. Над вагончиком дымок. С другого волока гуд пилы. Шрамков валит.

Опять отдыхает он, ругая делянку: от дерева до дерева – цепкие кусты. А другая пила взвизгивает на холостых оборотах и опять воем, входя в ствол. Рванул свою со свежего пня. Внизу живота – боль. Опять бы отдохнуть, да Шрамков... Прекрати он валку, хоть на миг, но не умолкает гуд той, второй пилы. Подгоняемый ею, – от дерева к дереву... Вдруг – тихо! «И у этого отдых!» И сам – на пенёк. Тишина! Только топорики обрубщиков: тюк, тюк, тюк (обрубают сучья).

– Григорий, не подашь канистру?.. – толстый голос неутомимого Кольки.

Луканин кинулся к следующему меченому дереву. Вторая пила опять: заправил. До обеда тот ни разу не отдохнул! Наконец, обед. Устал, а рабочий день далеко не к концу. В руках – дрожь, будто в них вибрирует пила.

Дядя Федя отцепляет от трактора хлысты, но прерывает работу и – плюх на бревно, из ватника – трубку.

– Ты чё опять куришь! – орёт Иван Микулов. – Давай разгрузим!

Лицо дяди Феди Оградихина, как из бани:

– Счас, Ваня, счас!

– Когда «счас»? Каждый кубометр записывают!

А трактор тарыхтит: дал бы он отдохнуть мотору, что ли!

Вдруг, сам мотор умолк.

– Мать-перемать.....! – горланит Микулов. – Никак заглох скотина! Только бегал, вот дьявол... чтоб его громом...

– Так опосля обеда, Ваня, глянешь, – предлагает дядя Федя.

– Опосля-то, опосля, – Иван, недолго думая, хлопает крышкой капота и тоже закуривает.

И тут выходят с волоков собригадники, а к ним с другого волока подбегает жена Луканина:

– Вот это работа!

Да она липнет к Шрамкову! Но в этот день не будет говорить обычное: «Сидим, как дураки, а деньги мимо плывут».

Зойка с обедом. Шрамковцы обедают у одного края, лука-

нинцы – у другого. Пока на плите подогреваются блюда, выкладывают домашние соленья, колбасу, варёные яйца. Угощают своих.

Луканин побаивался: в момент наедятся эти, пойдут вкалывать, и тогда хочешь, не хочешь, выходи. Но обедают они, как работают, основательно. Спина Шрамкова, которой он к Луканину, вроде, умотанная. А чё – покемарим! У Микулова слипаются глаза, он как войдёт в тепло, бух на лавку, точно в обморок. Но тут нет его лавки. Тут две, но будто не его.

Чай допит. Дядя Федя прикуривает. Катерина брезгливо следит, как в падающем от окна свете тянется дым. Она ненавидит куряк, и её муж давно в этом плане ею лично закодирован. Иван не дымит в тепляке, но дядю Федю никто не одёргивает. И Шрамковцы не думают тут курить и выходят.

Тихо в тайге, и Луканин рад!

– Кто как может, так и работает!

– Вот-вот, Лексей! – подхватывает дядя Федя: – Молодец, дело говоришь! Кто сколь могёт, столь и робит!

– Шрамков в блокнот кубы и трелёвки пишет. И этот его Илья параллельно, – напоминает Иван.

– Пущай гонят, техника у их новая! – ещё поглупел дядя Федя: трактор у Горячевского далеко не новый. – Щеловек должен быть щестен, – это главно! – оглядывает публику, как с трибуны: – За имя нам гнаться не надо. Главно – робим щестно-благородно, с коммунистическим огоньком!

– Какую погань ты куришь, Фёдор Григорьевич! – отмахивает дым Катерина.

И тут – рык соседского трактора. Микулов, будто упал с лавки. Нахлобучив шапку, вылетел.

Какое-то время работает один мотор, потом – и второй.

Иван криком – в дверь:

– Айда работать! И Николай с Ильёй считают, – дефехт!

– Понятно, кто бригадир? А ты – липовый инициатор, Луканчик! Ой, не могу, бабы, сердце слабое! – хохот Катерины.

Ни на кого не глядя, Луканин бредёт на волок, где работает тяжело и горько. Трактора трещат без передыха. А он надывается. До обеда день у него был прямо ударным...

– Маловато у тебя? – Шрамков!

Не отвечает Алексей. И тот, ничего дополнительно не сказав, отваливает. Но – пять минут – и Генка Голяткин с пилой (у них две!):

– Вы идите к нам на волок на обрубку. – И давай валить, будто так и надо.

Сучья обрубать легко, но как-то обидно.

В целом день прибыльный (с тарифом не сравнить), но Луканин не рад. Обида пухнет, будто квашня, которую ставит Катерина. В полумраке автобуса Катька глядит весело, и туда, где Шрамков, баба которого болеет женской болезнью. И год, наверное, она так, а он год – монах. Про «монаха»,

правда, молва говорит надвое. О нём в памяти – то одно, то другое, будто мусор (раньше – в углах) собирается в кучку.

Эта история с Ивановым трактором не выходит из головы. Да и приятней работа, как поезд. А тут, того гляди, рельсы двинут не туда, а то и останется без них вообще. И какая ему – шлея?.. Ярко видит Дворец Труда, Егор Посохин – на трибуне. А в номере говорит о таком, о чём робеет говорить Алексей. Про евойную бабу – хоть под кровать – от стыда! Будет ли Катерина вытворять в койке то, что вытворяет Посохинская жена? Недавняя ночь – не то! И, наверное, глупо он с этим методом!

Генка Голяткин: «Идите к нам на волок». И мимо пня с утомлённым на нём Луканиным, будто на пеньке не бригадир, а какой-то ненужный старый гриб! Крикнул «берегись!» и – падает сосна.

Зря вместо этой инициативы не уехал в деревню Калиново, да и жить там тихо! Но, нет. В те краткие минуты счастья («догнать и перегнать» он приравнивает именно к счастью), усёк: может более гладко говорить с трибун, не как этот Егор. Тот глупо добавляет «понимашь», а он будет говорить только дельное. Нет охоты пятиться на рельсы накатанные, которые ведут в тупик.

Лёг на диван, звездочка в окне, ветер стих. Но мороз окреп. Радио передало: в Надеждинске минус двадцать. Тогда в Улыме всех двадцать пять.

Глава вторая

...Человека заметили. Он стоял между бетонными складами, но не на земле, а, будто над землёй.

Кран несёт кругляк на открытую платформу вагона, и у стропаля, работающего на штабеле, минутка сбегать в туалет. Он – заочник из областного города с думой о длинном-предлинном рубле. Лес меряют кубометрами, и этот Лёвка Санитаров умножает их в уме на расценки, имея в итоге немалые цифры заработка. Правда, говорят, на нижнем складе не так выгодно работать, как на верхнем в тайге, особенно вальщиком леса! Это форменный Клондайк!

День на исходе. Ругнув не в меру выпитое импортное пиво, перед уборной, деревянным домиком, выбеленным белым (входить в него вечером небезопасно для обуви), он опять в уме умножает кубы брёвен, но вдруг видит: неподалёку у пакгаузов что-то темнеет. Днём не было. Это напугало Лёвку: новые кубы не умножил (дообеденные – успел).

Он трогает ботинком ледяную корку сугроба, она скрипит, как фольга. Звук предупредил: туда не надо. И тут кран гудит коротко, игриво – шутка крановщика. Лёвка вздрагивает. Обратно – бегом.

Его напарник, дядька непонятных лет, в молодые годы немало скитался по таким предприятиям. В Улыме женат и года три – никуда, только на отдых в деревню. Пиво импорт-

ное он не пьёт, но многовато пьёт водки. Этот Кузьмич (на работе, как стекло) в ответ на нервный доклад молодого коллеги:

– Идём, гляну.

Мах рукой в небо крановщику, удивлённому у себя на верху: стропали у пакгаузов, глядят в проход между ними.

– Это удавленник, – опытный Кузьмич добавляет длинное, плохо переводимое с матерного. – Один в том году на улице Молодёжной в дровнике. А чё ты хочешь, – вывод без особой логики: – народ в Улыме – сгонщина.

Парень недоумевает:

– Какое горе надо иметь, чтоб на такое пойти!

Воспитание собригадника (Шрамков)

Утро яркое. Огненный неприветливый восход на окнах, будто внутри домов пожар.

В конторе у коммутатора – недолго. Кто-то, какая-то дама, назвавшись дежурным врачом, выкрикивает в телефон: «У Шураковой, Шрамковой (не в миг исправилась) операция прошла нормально. Она в реанимации, приехать можно в воскресенье». «Операция», «реанимация», – пугают термины. Но, немного подумав, обрадовался.

Автобус под парами, собригадников в два раза больше.

Тайга в холодном багровом свечении. Будто в чаще – громадный костёр.

Только добрались, Позднышев – на бортовой:

– Как трактор, Иван?

– Вроде, бегаёт...

Микулов пьёт холодную воду из ведра. Его руки вибрируют не от холода. Все, кто в вагончике, невольно наблюдают, как прыгает ковшик в руке Ивана, как его зубы выбивают дробь о цинковые края.

Мастер обратился к Луканину:

– Алексей Родионович, я и в обед буду. – Луканин с важностью дадакает. А тот, нырнув в кабину, под включённый мотор: – Директор велит вам уделять внимание!

– Без тебя знам, – тихо – Евдокия Чистякова.

Шрамков ей – об операции и реанимации, мол, нормально, в воскресенье надо бы проведать.

– Детей – к нам. Передачу ей соберу, да и поедешь с богом.

– Спасибо тебе. Как дядя Архип?

– На работе в гараже, – ответ неопределённый.

Косогор, где они рубят теперь укрупнённой бригадой, нелёгкий для валки. От дерева к дереву – вязкими кустами. А на трелёвке: то в гору, то под гору, захлёбываются трактора. Микуловский выдохся. Позднышев обещал, но нет его; хорошо, повариха с обедом.

Важный бригадир не предпринимает ничего, и Николай пишет в блокнот:

Заявка

Трелёвочный трактор ТДТ-75 находится в нерабочем состоянии, просьба прислать в квартал № 32 техническую помощь. (Число, месяц, год).

– На, Алексей...

Луканин отталкивает блокнот.

– Ладно, Иван Микулов...

– А чё ты, Лексей, сам такую не написал? Это ж заявка. Обыкновенная заявка на техпомощь! Давай, Петрович, карандаш!

– Ну, ежели обыкновенная заявка, – дядя Федя карябает автограф.

Другие передают друг другу блокнот, который возвращается к Луканину. И он черкнул. Верхнюю страницу Шрамов отрывает и отдаёт поварихе, а нижняя – у него под копиркой.

– Это ты здорово, – не отвертятся, – Иван на удивление не ест: редкой мощи похмелье!

Несмотря на заявку, наверняка отданную поварихой, ремонтников нет, как нет. Ивану не удался ремонт на холоде, да трясущимися руками. Пришлось им с Ильёй вывинтить свечи зажигания. Грязные, пора менять.

– Я намедни менял! – И, вправду, как он говорит, «дефект».

– У тебя есть запасные?

– Уже нет, – ответ-перегар.

У Ильи были. Трактор ожил. Иван прав: дефект! А у Луканина недовольное лицо; уши, будто выросли. Работает и в этот день хило, Генка Голяткин поставлен на валку. В итоге объём нормальный. Едут с работы – считают будущие деньги.

У конторы они выходят из автобуса, а Шурка Микулова вопит:

– Говорю: не ходи! Горе какое, Ванька! Ты меня во гроб вгонишь! – она говорит: не «Ванька», а «Ванька».

Николай спрашивает:

– А куда он?..

– Ко сезонникам в барак! В «Бригантину»! – и ответ криком.

Иван удаляется нетвёрдой иноходью.

Жена Ивана – к дому. А они – к вертолётному полю. На краю барак, с того времени, когда вертолёты тут не летали. Первое в Улыме рабочее общежитие. Над дверью: «Бригантина». Окна светятся, из труб дым. Иван – внутри.

На лицах Ильи и Гришки понятливая таинственность. Чистякова ворчит, мол, «чѐ ты опять надумал». Но они не уходят, имея опыт: «надуманное» влияет на их работу, на их деньги.

Не радио! Вживую играют на баяне.

Знакомый голос поѐт знакомую песню:

*«По диким степям Забайкалья,
где золото роют в горах,
бродяга, судьбу проклиная,
тащится с сумой на плечах...
Бродяга к Байкалу подходит,
рыбацкую лодку берѐт
и грустную песню заводит,
о родине милой поѐт...»*

– Вы к кому-то? – Комендант, чернявая тѐтка, кладѐт дрова в печки, топки которых выходят в коридор.

– Кто у вас тут так играет и поёт? – ведёт диалог Николай.

– Та один местный... Он поёт, а ему водка льют...

– Ну, такому и деньги не жалко.

– Ни, динех ему не дают. Только водка. Льют один стакан, второй, потом он падёт пьяной... Динех самим нада. Жёны, дети дома, далеко.

Идут от барака, голос Ивана им вслед:

*«Бродяга Байкал переехал,
навстречу родимая мать...*

*“... ах, здравствуй,
ах, здравствуй, мамаша,
здоров ли отец мой и брат?”*

*“Отец твой давно уж в могиле,
сырою землёю зарыт,
а брат твой давно уж в Сибири
давно кандалами гремит”...»*

Как рыдает этот голос! Как душу выворачивает!

– Был парень у нас в Шале, душевно пел, да петлю накиннул, – вздыхает Евдокия.

– И этот может... – В книге по психологии алкоголики приравниваются к самоубийцам.

Соседская бабка вымыла дочек. Он даёт ей два рубля, но она не берёт. Навязывает картошки. Её дети – в городе, а

ей некуда ехать. В Ульме надо вкалывать, пенсия не очень, хоть и северная. Но эта – одна версия, по которой Наталья Гавриловна Неупокоева продолжает тут жить.

Думает Николай о собригаднике Иване Микулове. Как поёт, как душу выворачивает!

Утром – телеграмма. Явление в Ульме редкое. А то и неприятное. Почтальонка, укутанная, протянув склеенный вдвое листок, подаёт карандаш, велит расписаться. Переговоры! Больница! С Ираидой что-то в реанимации! оттого и берут эти подписки: ответственность – на близких!

С невероятной скоростью одевает дочек. Отводит их, и – на станцию, где телефон.

Холодно, ясно, утреннее небо мерцает звёздами. И маленькие выглядят яркими. Внезапная тишь. Ветра нет. Удивительно. Хорошо бы понять тайну и в природе, и в людях. Но думать о таком некогда. Увидев тёплый квадрат окна в станционном домике, ощутил утрату чего-то или вину перед кем-то за несовершенное.

Волнуясь, нетерпеливо дёргает ручку двери, обитой войлоком. Подаёт телеграмму.

– Обождите маленько, – телефонистка эта с гонором.

Она недавно из деревни. В её представлении тут – одни улымские «медведи». Он наблюдает, как она втыкает в гнезда проводки, как выкрикивает в наушники: «Дежуренькая, дежуренькая, давай Надеждинск...» Телефонистка добра-

лась до больницы.

– Войдите-ко в кабинку!

...не голос той врачихи, сообщившей об «удачной операции», назвавшей Ираиду «Шураковой».

– Ида, ты?! – горячая радость.

– Привет, Кольша. Операцию отменили. Будут делать переливание крови. Дают лекарства. Когда домой, телеграмму дам.

– Как отменили?

– Профессор говорит, не надо.

– Он, наверное, больше понимает того, в квадратных очках, который заставил меня подписку дать?

– На-аверное.

– Дать бы ему в очки, – маскировка бурной радости, которая не годится для общения с тем, кто, хоть и избежал этого кошмара – операции, но пока – не дома, а в больнице.

В ответ милый робкий смех.

– Чувствуешь как?

– Нормально...

Телефонистка подслушивала. Выдал её любопытный взгляд и щелчок в трубке. Когда о ком-то плохие мысли, неприятно. Он думает о людях больше хорошо, находя оправдания. Иногда оправданий нет, но не убить в нём надежду на то, что зло временно и поправимо. Одна умная дама говорит: «Ты романтик, свято верящий в добро».

Идёт к конторе, в ушах голос Ираиды, неровный, будто

соскальзывающий с проводов на немалом пути.

В их первые дни он то и дело набирал контору: «Мне бы расчётчицу... А, это вы, девушка? А это Шрамков. Вы мне немало денег переплатили...» «Сколько?» «На треть больше!» «Ну, придите». И он у её стола. Наклонив голову, она листает книгу учёта. Аккуратная, как первоклассница. «Вот, видите! Правильно!» Он с трудом держит мину. Но и она гасит улыбку. Им обоим радостно. Она догадывается, что разыгрывает, но не портит его игры.

Работа отвлекает от дум. Думы в иные моменты невесёлые.

Завклубом, жена главного инженера Оградихина, выглядит немолодой девушкой. Она в Улыме по комсомольской путёвке, окончив техникум культпросвета, поднимает культуру и просвещает беспросветных улымцев. Свадьбу они с Иваном Фёдоровичем играли, видимо, в её родном селе. Эта непонятная девица, бездетная, тушуетя перед любимым. Свиду они с Иваном Фёдоровичем – интеллигентные, как родня. В её кабинете Шрамков извинился, что он в рабочей одежде.

– Мы теперь укрупнённая бригада, и ваш папаша, уважаемый Фёдор Григорьевич... – Он ввернул «папашу», будто по-другому и не назвать ему этого болтливого дядю Федю, который ей свекор.

Но эта вечная девушка, родом деревенская, не видит в его словах изгибов дипломатии, кивая с полным доверием.

– Есть у нас один в бригаде, он – талант. Он баянист.

– Да знаю я, это Микулов Иван! – она, не имея никакой причины, зарделась. – Но он такой выпивоха...

– Он поёт, играет... Мы, укрупнённая бригада, предлагаем ему в клубе выступить с концертом. Мы в выходной дадим перечень его песен...

– Репертуар?

– Ну, да.

– И жена его голосистая! Эта пара будет украшением программы. Они русские народные поют. Электромузыка многим надоела.

Доволен итогом в клубе, но вспоминает какие-то недомолвки Ираиды через помехи на линии...

На другой день во время обеда Шура Микулова причитает песенно:

– Ох, Николай, помоги, от твоих слов он зашьётся! Пущай бы ему – эту «торпеду»! А гармонику проклятую отдать в клуб! – Информацию о том, что он в клуб наведалься, растиражировало сарафанное радио.

Иван прикрывает руками лицо.

– Не гармоника.

Другие глядят так, будто Николай оговорился. Зойка остановила раздачу борща.

– Ба-ян!

Микулов отнимает руки от лица и глядит в лицо Шрам-

кова, как кролик-алкоголик на льва-нарколога.

– Мы были в бараке у сезонников, и мы: Евдокия Селивёрстовна, Илья Горячевский, Григорий Сотник, удивлены, как ты пел и как играл на баяне. И от нас заявление к тебе, Иван Афанасьевич...

Шрамков, будто подбирает слова. Но подобрал их раньше. И теперь отправляет эти слова к себе в сердце, и оттуда их говорит:

– Не дело тебе в этой «Бригантине» инструмент трепать и голос драть. Ты должен в клубе. Ты – артист! Мы договоримся о твоём концерте. Тут в отрыве от городов и с плохой телевизионной трансляцией, ты нам напомнишь любимые песни. В выходной переговорим с завклубом.

Он внимательно оглядывает аудиторию. Публика рада, Луканин не рад, и это не радует. Наверняка, впереди воспитательная работа и с этим собригадником, хотя он, вроде, не пьёт.

Шурка ахнула. Иван рот открыл в удивлении. Так, не закрывая рта, он принялся за борщ, удивив публику, так как давно не ел. Молчание. Стук ложек.

Обидные перестановки (Луканин)

Горе работать на Косогоре! Не мог этот рвач вырвать нормальную делянку! Чёрная Падь, в которой до этого рубили Луканинцы, увешана сухостоем мёртвых деревьев, как паутиной. А тут – кусты, молодой ельник, трелёвка по горкам. Какая техника вытерпит! Трактор Ивана опять... Но не удалось ему дрыхнуть на лавке (тут две, как раз для дрёмы). Шрамков со своим трактористом оживляют трелёвщик. Но Ивана не ругают, говорят про «дефект».

Шрамков отколол номер, хоть в клуб не ходи... Начала-то Шурка. Она обратилась не к Луканину, который и давний друг, и бригадир, в конце концов! Она умоляет этого рвача уговорить Ивана закодироваться от пьянки! Ведь не обратилась она к нему, к Луканину! Обидно, будто не нужен себе, не говоря о том, что не нужен другим. Будто не хотел, чтоб его друг Иван не пил, и все они заработали много денег!

От конторы Иван отправился к вербованным, но – с Шурой.

- За баяном; много денег уплачено, говорит Шура, а бросает в бараках, – довольная Катерина.
- Колька-то сбрендил с этим концертом для Ваньки!
- Это ты сбрендил! – откликнулась «вежливая» жена.

Идут рядом, хотелось толкнуть её в сугроб, чтоб замолкла.

Катерина в новых сапогах. И в городе такая баба была бы на виду, а в этом Улыме ей и показаться негде. Да на такой работе! С утра опять будет, как чучело: в валенках, в ватнике, в шапке-ушанке, поверх – мраковатый платок. Даже стёганые штаны на них, на бабах. А надеть ей есть что. Для выхода в люди к новой обуви – шуба мутоновая, шапка соболя, купленная у манси за копейки. Платки: один в ярких цветах, другой белый кружевной. Но на работе выглядит она так, будто ей не тридцать пять, а пятьдесят пять.

– В кино в воскресенье идём? – оглядывает обтянутые лакированной кожей ноги.

Зря одарил её! И другие сапоги неплохие, но не такие красивые. Когда она на каблуках, они одного роста. Шрамков ей под стать! Эх, прямо хоть уматывай к чёрту на рога в деревню Калиново! Его покой в зависимости, как у алкоголика – от алкоголя, от этой ладной, крепкой бабёнки!

Дочка Вера из клуба:

– Мама, ты прямо готова танцевать в этих сапогах! В балетной студии Неонила Савична тренирует нас делать «фу-эте».

– Чё это? – Катерина с притворным испугом.

– А вот так! – крутанулась неуверенно Верочка. – Это трудное балетное «па», надо много репетировать.

Обе видные. Хотя разные. Вера – ни в мать, ни в отца. Катерина уверяет: копия её мать, тёща Луканина, которую он никогда не видел. Она удрала от Сафрона Клепикова (лупил), когда Кате было девять лет. С той поры ни слуху, ни духу. И тут как уколёт недавняя тревога: «А над твоей невестой рыжий поработал большим размером...» Алексею, тогда хмельному женишку, было не до этого юридивого с его гадкой информацией. Но со дна памяти выплывало. И – в эти дни.

В автобусе он занимает выбранное им место. Лицом к народу. Будто он контролёр.

Водитель открывает дверь, но никто не входит, а только голова Шрамкова:

– Алексей, выйди-ка...

Как бы не так! Он не намерен выполнять указания этого указчика! Голова недруга пропала. И ведь ждут его, не едут!

– А чё он тебя звал? Надо было пойти с ним, – глядит косо Катерина.

Тот – командир, эта – командирша.

Наконец, ввалился герой, водителю команда:

– Едем!

А не сморозил ли Алексей, как с этой заявкой на ремонт? Такими бумагами под копирку, будто для какого-то суда, бомбардирует Шрамков начальников. Но у Луканина не хва-

тает умения для моментального составления таких документов. Например, Посохин любую «цифирь», как он хвалился, держит в голове. Наверное, мир ловких людей недоступен Алексею? Они, грамотеи, при длинных рублях, да и с бабами у них тип-топ! Но у Шрамкова жизнь – не мёд. Маленькие дети, больная жена, да на работе норовит быть главным! А главный-то он, Алексей!

Тем временем в автобусе Катерина тихо говорит Шуре:
– Коля у директора был насчёт трактора.
«Коля»! Так бы и огрел ей по башке, да укутана.

Перед выходом в тайгу наглец утвердился между двумя сторонами явно своей бригады и болтает об утреннем деле. Луканин голову клонит, чтобы злоба выходила не на людей, а на пол. Еле вытерпел, пока эти тары-бары – к концу, да – работать.

Опять Генка Голяткин, но с такими словами:

– Идите, Алексей, с вами хочет Николай Петрович поговорить.

Возмутился бы, но усталость невероятная, любая болтовня – отдых. Идёт, раздирая с ненавистью кустарник.

Шрамков – навстречу. Враг против врага. И предлагает вражина: давай на обрубку – вообще! Мол, Генка Голяткин молодой. Хотелось одно ответить: да пошёл ты... Но не ответил: это именно та дерьмовая (ругнул про себя) взаимоза-

меняемость!

Тётка Чистякова и девица спортивная приветливы. И тюкает он топориком, рубит ветки. Отлетают. На морозе тепло, но работа лёгкая. Обгоняет и Евдокию, и девушку.

– Дак, куды нам за тобой, не угнаться, – дружелюбная тётка.

Но как ему выходить к обеду, как реагировать на Катерину с её ехидным «понятненько»? Подкалывает до нутра!

На площадке – тягач. Мужики сгрудились у нового трактора, оглядывают, будто купили личное авто. Луканин не любит технику, мотоцикл и тот не ремонтирует, так и гниёт в дровянике. Он – отдельно от других, как ребёнок, с которым не хотят играть.

Обед опаздывает, но много домашней еды: яйца вкрутую, огурцы, колбаса, селёдка... Шурка угощает пирожками с печёнкой, с утра напекла, тут на плите подогрела, много, на всех хватит. Берут, хвалят... Наконец, Зойка. Немой Лёша и болтливый Гришка вносят баки с едой. Иван так накиннулся, будто пять лет не ел. Дядя Федя непонятно угрюм. Катерине не пришлось ему напомнить о том, «какую он гадость курит», так как не курит он, держа в руке холодную трубку.

Повариха – в автобус, бабы убирают на столах. Шрамков – верхом на стул лицом к бригаде. У него подбородок и щёки бордовые от щетины. Рукой на Голяткина Генку, который так и валит вместо Луканина, и плетёт Николай о том, какой

Генка неумолимый. Этот парень нагло улыбаётся, зубы у него не родные, голубоватые. Глаза цвета бутылочного стекла, тельняшка в раскрытом ватнике. Где только этот Голяткин не калымил: в море, на приисках, в таком же леспромхозе. Летаёт от алиментов, которые его накрыли в Улыме.

И вот главарь гудит про эту взаимозаменяемость, мол, от энергии Голяткина отставание тракторного звена (Ивана и дяди Феди). Но Иван-то, мол, молодец ныне необыкновенный, а вот дядьку этого пора на «более лёгкий труд». Вместо старого Оградихина он на чокеровку к Ивану выдвигает Оградихина молодого. Все глядят на Лёшку, а дядя Федя – на свои валенки.

При людях он делает вид, будто у него только один сын, «удачный», как он говорит, с дипломом ВУЗа главный инженер. Другого дядя Федя ругает «немым» (это правда) и «пьяным зачатьем». Никогда об этом Лёшке никто и не думает, как о мебели. Ну, вкалывает на обрубке, ну, ест много. Похож не на лощёного братика, с виду хлипкого, а на папку: и руки-коряги, ростом немал, не как Иван Фёдорович, тонкий, ладный. Но читать умеет.

Шрамков-то удивился: парень, как сосновый хлыст не реагирует, и велит написать ему. Катерина торопливо выполняет (так бы с мужем!) на обороте меню, брошенном поварихой («щи, бефстроганов, блинчики с мясом и рисом, салат кроличий из свежей капусты с тёртой морковью»): «Николай тебя ставит на чокеровку к Ивану. Согласен?» Тот кивает,

мычит обрадованно. Он хоть и немой, но не полудурок, и деньги считает: на этой работёнке расценки в два раза выше.

Как ни странно, Алексей вернулся на обрубку, не злясь. Евдокия – про Лёшу, мол, не дело такое говорить отцу о сыне. И Луканину неприятно, когда дядя Федя толкует, мол, пьяным был, когда Лёшка-то зародился у них с Секлетиньей Мартыновной. Девушка Тимофеева в их тары-бары не встречается. И работают они, обрубив всё до конца светового дня (он же – рабочий). В автобусе «бригадир» радуется: перекрыты нормативы, прямо ударники труда. Голос у него немного хрипатый, ещё бы: так орать на холоде, командуя. Дядя Федя нахохлился, как ворон. Шурка с Иваном вдвоём отправились домой.

– Ванька ноги еле волочет, ему ныне не до песен, – Катерина говорит на пути к дому.

– Не он один, – в ответ Алексей, хотя у него не та жуткая усталость, какая бывает от работы пилой.

Он ждал от Катьки каких-нибудь дополнений на эту тему, но она промолчала. Дома хлопотала у плиты, а потом ушла первой и дверью барзнула. Не войти ли к ней, не вдарить ли за рыжего? Какое-то время Луканин бессильно ругается матом.

Мы все друг другу не чужие (Шрамков)

К мастеру хотел идти вдвоём с Луканиным, но тот упёрся.

– Доброе утро, Александр Васильевич, – руку для пожатия, тет *на* тет, как говорят французы.

Позднышев нехотя пожимает, а сам глядит: чего, мол, надо?

– ...а надо нам Микуловский трактор на диагностику. В нём какой-то дефект, как говорит Микулов. Что-то с двигателем. На холоде не поймёшь. Мою заявку видел? – на «ты»; садится в одинокое кресло и глядит, не мигая, в мигающие глазёнки.

– Видел, видел... меморандум: двенадцать подписей, – кривит лицо влево, а так как оно немного кривоватое, то при такой мимике выпрямилось. – Днём увезём.

– Но я не по этому делу.

– А по какому? – и – к выходу из этого кабинета, который как бы и не его кабинет.

– Как ты говоришь, «меморандум»? Будет второй. О ликвидации бригады.

Лицо мастера кривеет вправо.

– Поднимайся, – будто не хозяин в этом кабинете и не на этой должности.

– Я не спешу, – Шрамков глядит так, будто прицеливает-

ся, с какого бока ему врезать. – С этим укрупнением бригады, ты, Саша, напортачил. И у меня идея. Если мы этой бригадой не будем иметь больше, то тогда мне всё равно, кем работать. И я пойду на ту работу, на которую мог перейти в ноябре.

– Чё ты мне грозишь? Идём, говорю, к директору! Новый ТДТ!

– Вот это другая тема, Александр Васильевич! – обратно – на «вы».

У Леонида Сидоровича видок: копия – его братец. Вдруг и этот, как куль, лежит иногда? Мимика на темноватом лице: неуверен в правильной работе вверенного ему предприятия.

– Моё мнение, – врёт Позднышев, – у них никакой работы не будет, пока не дадим им другой трактор.

Шрамков с ним рядом у стола. От фермера так воняет коровой, что он, мывшийся в бане, немного отстранился.

– А Луканин где? Он, вроде, бригадир? – Директор хитро щурит и от природы сощуренные глаза.

– Да не важно, – с наигранным простодушием. Это и его мечта. – Уверяет Шрамков.

– А тот – как? Реально отремонтировать?

– Реально-реально.

– Днём загоню в ремонт, – директору, а – Шрамкову ехидно: – Но бригадир-то Луканин. Удаётся ему взаимозаменяемость?

– Да, да, ну, я в делянку...

И Леонид Сидорович в ответ:

– А ты ловкий мужик, Николай!

«Ловкий»? Директор – молодец, такое похмелье, а на работе, как штык! Не пил бы... Оттого и заготовка целиком в руках мастера-фермера... Если у этого фермера и молоко так воняет, как он сам, то как его пить? Николай молока не пьёт, детям берут в магазине.

Вагончик. Бригада. Объявление:

– Иван, это касается тебя. Дают новый трактор.

Лицо Микулова менее бледное, да и с руками нормально. Он не у накрытого крышкой ведра с холодной водой, которую никто, кроме него, в сыром виде не пьёт. Наливают в чайник, который целый день горячий на горячей плите.

– Ну, ты молоток, Петрович! – «Петровича» подхватил у Гришки Сотника.

«Потреблял бы меньше», но, вспомнив директора, обобщил: «Как пьют в Улыме!» И он – в бане. И немало. Надежда, вызванная телефонным звонком Ираиды, выветрилась.

Вслух:

– ...а новый (ты не обижайся, Иван Афанасьевич) – Илье.

– Да чё мне обижаться! У Ильи машина без дефекта, а новый, ещё бабка надвое сказала:

Всё пропью, гармонь оставлю,

*пойду к милой по задам!
По задам, по огородам,
по реке, по броду!*

Благодарный хохот публики.

– Будем опять работать, применяя взаимозаменяемость, – по инерции весело.

Луканину с трудом далось это длинное слово во время его тронной речи в директорском кабинете. Без этой «взаимо-мости», как тот выговорил, не выйдет работать непрерывно. Дядя Федя трелюет не так ловко, как Гришка Сотник, например. Тот по хлыстам ходит, как гимнаст по бревну. Как в цирке кольца, – накидывает чокеры, и оттого времени на трелёвку – минимум. Не предполагал, что Луканин так легко согласится на обрубку. Вот бы так – и этот дядька Оградихин.

Прибыл новый трелёвщик. Микулов рад трактору Ильи:

*Заиграет гармонист,
за шумит вода в реке!
А Шура, моя Шурочка,
да Шура моя дурочка!*

– Ванька! Ты меня во гроб вгонишь, Ванька! – радостно откликнулась его жена.

Днём тихо. Ветер умчал на Вычегон. Над тайгой поднялось небо ледяным потолком.

Выходной. На обед пригласил бригаду, а явились только близкие. Самовар. Евдокия – с шаньгами, Илья – с кругом колбасы, Гришка – с поллитровкой... Николай – маринованных грибов, огурцов, помидоров, отварной картошки. Дочка Тимофеева – яблок для детей. И они втроём уходят в детскую. Шрамков зовёт эту девицу, но она отказалась, мол, не голодна. Да и дети накормлены.

– Мы читать будем! – громко уверенно сообщает Настя.

– Нам немного почитают, – с Ираидиными интонациями
– Любочка.

Девушка неговорливая декламирует, как преподаватель:

– *«У отца было три сына.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.